

Чжун Линси всегда держал слово, данное Шу Юаню. Раз он сказал, что пролежит без сознания три дня, значит, так тому и быть. На закате третьего дня его веки дрогнули, и он открыл глаза. Тело еще не успело восстановиться, и голос звучал слабо:

— Сяо Юань.

— Учитель! — Шу Юань вздрогнул и резко вскинул голову. Встретившись взглядом с глубокими и мягкими глазами Чжун Линси, он почувствовал, как к горлу подкатил ком. Его воспаленные от бессонных ночей глаза мгновенно наполнились слезами. Он лишь выдохнул имя учителя и замолчал, уткнувшись в край каменной кровати, сотрясаясь от беззвучных рыданий.

Если бы не сдержанный характер и постоянные напоминания о том, что он произнес перед перемещением в этот мир, Шу Юань непременно бросился бы в объятия Чжун Линси, выплакивая всё накопившееся беспокойство.

Чжун Линси всё понимал. Пусть любви между ними не было, но за два года совместной жизни узы учителя и ученика стали настоящими. Тронутый до глубины души и чувствуя вину при виде измученного лица своего подопечного, он протянул руку, ласково погладил Шу Юаня по голове и виновато произнёс:

— Прости, заставил тебя волноваться. Это моя вина. Сколько времени я пробыл без сознания?

Шу Юань вытер слёзы рукавом и ответил:

— Ровно три дня.

Чжун Линси с облегчением выдохнул:

— Хорошо, что не нарушил обещание.

Шу Юань промолчал, и на его лице внезапно проступило смущение.

Это был не первый раз, когда Чжун Линси терял сознание на глазах у Шу Юаня, но впервые Шу Юань испугался настолько, что не смог сдержать слёз.

Когда они только начали заниматься, Чжун Линси как-то раз упал в обморок от переутомления, составляя учебный план. Тогда Шу Юаня не было рядом — его нашла уборщица из художественного корпуса и вызвала скорую. Ученик узнал о случившемся лишь на следующий день, а когда примчался в больницу, Чжун Линси уже пришел в себя и лежал под капельницей.

Увидев виноватое лицо Шу Юаня, Чжун Линси тогда улыбнулся и успокоил его: Не вини себя.

У меня с детства слабое здоровье, а я вечно беру на себя лишнее, вот и падаю в обмороки. Это не смертельно. Раз ты решил стать моим учеником, привыкай к тому, что я время от времени буду отключаться.

Сказано это было легко, словно шутка, но на душе у Шу Юаня легче не стало. Он даже пожалел, что попросил Чжун Линси о занятиях. С таким слабым здоровьем разве может он обучать старшеклассника?

Не стоит недооценивать меня, — Чжун Линси словно прочел его мысли и добавил с ноткой шутливого упрека: — Я же сказал, это не смертельно. Если действительно переживаешь, просто не паникуй, когда я упаду, а перенеси меня на кровать. Я с таким трудом нашел талантливого ученика, что никому не отдам.

Шу Юань не нашел что ответить и с тех пор стал заботиться о нём вдвойне, стараясь не давать лишней нагрузки.

За два года Чжун Линси не раз падал в обморок в его присутствии, не говоря уже о тех случаях, когда они были врозь. Раньше Шу Юань волновался, но знал, что учитель скоро придет в себя. Однако здесь, в неизвестном месте, когда Чжун Линси впервые начал харкать кровью, Шу Юань потерял самообладание и трое суток не смыкал глаз, сжимая руку учителя.

Вспомнив об этом, Шу Юань внезапно осознал, что всё ещё крепко держит Чжун Линси за руку. Он покраснел, поспешно отстранился и, боясь взглянуть на учителя, не знал, что сказать.

Заметив его смущение, Чжун Линси поспешил сменить тему:

— Что это за куски ткани?

Шу Юань вздрогнул, опустил голову и пробормотал:

— Я... я...

Он не успел договорить, его уши вспыхнули ярким пламенем.

В сердце Чжун Линси возникло странное чувство — сладость вперемешку с горечью. Сладко было от осознания, что все три дня Шу Юань не отходил от него ни на шаг и, вероятно, даже не прикасался к траве Чжуйюй. Горько же было от того, что эта преданность не имела романтической подоплеки, а была лишь привязанностью ученика к учителю и друга к другу.

Видя, что Чжун Линси молча смотрит на него взглядом, в котором сплелись радость и печаль, Шу Юань понял, что учитель обо всём догадался. Он еще гуще покраснел и отвел взгляд, не решаясь встретиться с ним глазами.

Чжун Линси вздохнул про себя и снова пришел ему на помощь:

— Шу Юань, я проголодался. Не принесешь ли ты мне травы Чжуйюй?

— Конечно! — Шу Юань был только рад возможности уйти и остыть. Ответив, он поспешно вышел наружу. Лишь постояв у входа в пещеру под порывами вечернего ветра и приведя чувства в порядок, он взял две травинки Чжуйюй и вернулся в каменную комнату.

Чжун Линси уже встал и находился у каменной полки. Услышав шаги, он обернулся:

— Шу Юань, я нашел кое-что интересное.

Видя, что учитель на ногах, Шу Юань почувствовал, как тяжесть спала с его сердца. Подойдя ближе, он протянул ему находку:

— Эти ткани необычны?

Чжун Линси улыбнулся и кивнул:

— Взгляни сам.

Шу Юань подошел к нему, сначала вручил траву Чжуйюй и наказал:

— Учитель, вы три дня ничего не ели, сначала съешьте это.

Чжун Линси проглотил траву и молча кивнул на вторую порцию. Шу Юань понял и тоже съел свою. В прошлый раз, волнуясь за учителя, он не распробовал её, а сейчас стал жевать медленно. Но как бы он ни старался, чувство голода просто исчезло, а вкуса он так и не почувствовал.

Раз лекарственный эффект так силен, это наверняка божественная трава, почему же она совсем безвкусна?

Заметив его недоумение, Чжун Линси пояснил:

— Хотя трава Чжуйюй — божественная, она не имеет вкуса, как её ни жуй. В этом её отличие от других растений. У других всегда есть хоть какой-то привкус: сухой, кислый или сладкий, и только эта трава подобна чистой воде.

Шу Юань тут же впитал это знание и спросил:

— Учитель, откуда вы знаете?

Чжун Линси рассмеялся:

— Я всё-таки взрослый человек, к тому же люблю читать древние тексты. Разве странно, что я знаю подобные вещи?

Шу Юань задумался — и правда. Когда он учился играть на цине, преподаватель говорил только о музыке. Чжун Линси же охватывал всё: от поэзии и каллиграфии до пяти стихий и восьми триграмм. За два года его эрудиция не раз поражала ученика, так что знание о божественных травах его больше не удивляло.

Придя к такому выводу, Шу Юань решил больше не терзаться вопросом, откуда учитель всё это знает — в любом случае, Чжун Линси никогда не причинит ему вреда. Проглотив остатки травы, он спросил:

— Учитель, что вы хотели мне показать?

Чжун Линси снял с полки свиток ткани и протянул ему:

— Читай сам.

Шу Юань с сомнением развернул полотно. В начале свитка было написано:

Хочешь знать, почему ты здесь? Хочешь вернуться назад? Тогда усердно культивируй, стань бессмертным и отыщи меня в Мавзолее Запечатывания Богов!

Это были самые обычные упрощенные иероглифы, читались слева направо, присутствовала даже пунктуация! Шу Юань провел пальцем по почерку — казалось, написано было обычным карандашом!

Несмотря на то, что перед глазами уже была табличка с надписью Нефритовая пещера Ланхуань, это послание повергло Шу Юаня в шок. Он невольно обернулся:

— Учитель...

— Я сам сначала был поражен. Осмотрел другие свитки в этой комнате — почти все они посвящены культивации. Не знаю, каким методом пользовался хозяин этой пещеры, но на тканях нет ни пылинки, ни следов насекомых, — задумчиво произнёс Чжун Линси. — Похоже, это мир богов и демонов, а хозяин пещеры попал сюда так же, как и мы.

Шу Юань кивнул и стал ждать продолжения, но Чжун Линси замолчал, просто глядя на него. Шу Юань недоуменно встретился с его взглядом — полувопросительным, полуутверждающим — и вдруг всё понял.

Чжун Линси хотел задать вопрос, но еще до того, как его озвучить, уже знал ответ.

Вопрос был прост: хочешь ли ты вернуться?

Шу Юань знал, что родители Чжун Линси скончались вскоре после его выпуска из университета, других родственников не осталось. В город Л. он переехал, чтобы сбежать от болезненных воспоминаний. Хотя он прожил там два года, из-за слабого здоровья он вел уединенный образ жизни, да и профессия учителя музыки не приносила большого достатка, в отличие от тех, кто преподавал важные для экзаменов дисциплины. У него не было близких друзей, кроме своего ученика.

Одним словом, единственной связью Чжун Линси с тем миром был Шу Юань. Где находиться — для него не имело значения.

Но у Шу Юаня всё было иначе. У него были родители, он нёс ответственность за их старость. Он обязан был вернуться.

Шу Юань понимал: хотя Чжун Линси и обещал больше не видаться, его чувства не угасли. Иначе зачем он оказался рядом в момент той аварии? Это был прекрасный шанс заполнить Шу Юаня.

Здесь их никто не знает. У входа полно травы Чжужуй, они могли бы жить в изоляции, рука об руку, в полной свободе. Шу Юань был силен в игре на цине, но в житейских вопросах был слаб — Чжун Линси хватило бы и капли усилий, чтобы подчинить его себе.

Но учитель не сделал этого. Он даже не спросил, хочет ли Шу Юань вернуться.

Если бы у меня был любимый человек, я бы делал всё, чтобы его желания сбывались, чтобы он был счастлив и не знал печалей.

Тихий голос внутри Шу Юаня заставил его сердце сжаться от боли. Но даже через боль он должен был сказать.

Раз решил не оглядываться, зачем же не забыть? Раз уж отпустил — надо быть твердым. Колебания лишь принесут страдания всем троим.

Приняв решение, Шу Юань посмотрел на Чжун Линси и кивнул:

— Учитель, давайте вместе практиковать культивацию, а потом вернемся!

Чжун Линси улыбнулся, словно именно этого и ожидал:

— Хорошо.

<http://bllate.org/book/22336/2340103>